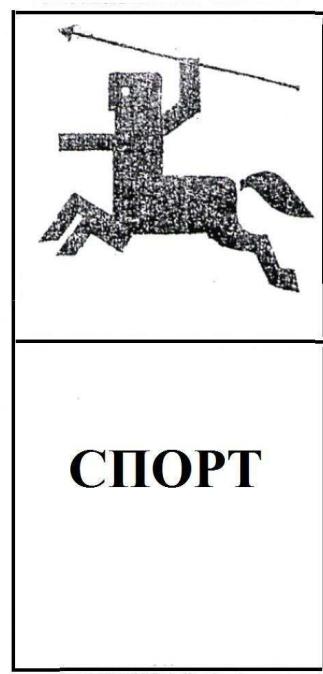

ТЫ ВЫХОДИШЬ НА КОВЕР...

Станислав
Токарев

Фото
Евгения Волкова

Сложилось так, что, как журналист, я многие годы связан со спортивной гимнастикой. Люблю ее и, хочу верить, знаю. И когда смотрю соревнования по гимнастике художественной, ловлю себя на том, что чего-то мне постоянно не хватает. Вот музыка звучит, вот девушки в традиционном купальнике исполняют одно па, другое, прыжок, виньеточку танцевальную... Да скрути ты, милая, хоть сальто, ну, не сальто, пусть простенький фляк...

Постой, перебиваю себя, постой. Художественная—верно ведь? От балета пошедшая. Не от классики, скажем, но от пластических этюдов Айседоры Дункан и ее босоногих последовательниц! А смотря балет, ты разве ждешь, чтобы преподнесли тебе акробатический трюк?

Легче легкого, проще простого с важным видом рассуждать о том, чего не знаешь. Ну, скажем мягче, «недостаточно знаешь». Этот грех людям моей профессии порой свойствен.

Запасаюсь карандашом и блокнотом, сажусь в троллейбус и отправляюсь проводить.

ИНТЕРВЬЮ ПЕРВОЕ — С МАРИЕЙ ВАРТАНОВНОЙ ЛИСИЦИАН, ЗАСЛУЖЕННЫМ ТРЕНЕРОМ СССР:

— Очевидно, само слово «художественная» предполагает особую близость вашего вида спорта к искусству. Не так ли, Мария Бартановна?

— Конечно.

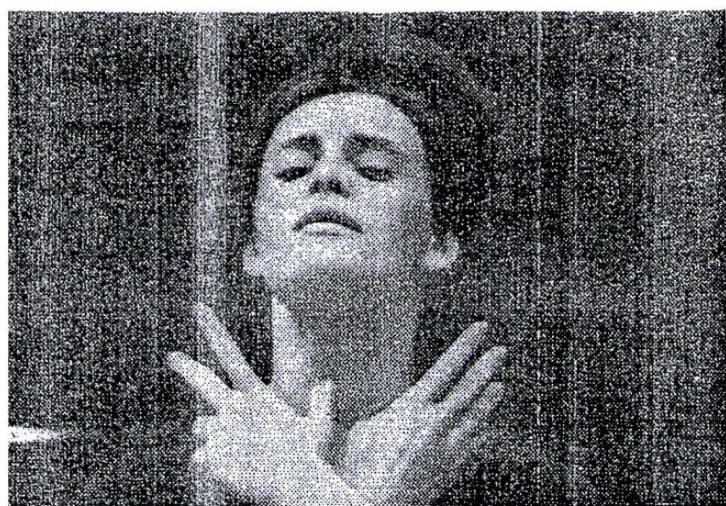
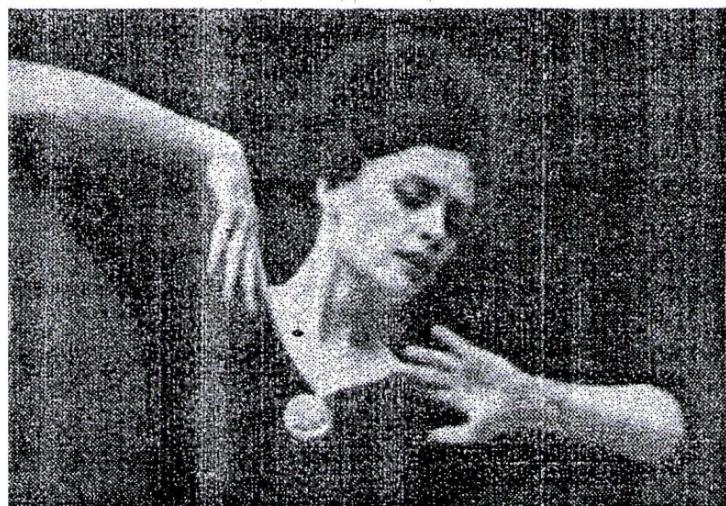
— А в чем конкретно эта близость выражается?

— В неразрывной связи с музыкой. Музыка — основа комбинации. В том, что мы используем ряд танцевальных элементов. В том, что учим спортсменок правильно понимать музыку и отражать, доносить до зрителя настроение музыкального произведения.

— Можно ли в данном случае говорить о создании средствами спорта некоего художественного образа? Приведу пример из спортивной гимнастики. Вспомните времена расцвета Ларисы Латыниной и Полины Астаховой. На ковре для вольных упражнений обе эти гимнастки не только максимально раскрывали собственное «я», но и воплощали две, если хотите, грани женского, вообще человеческого характера. Латынина — мажор, веселье, неиссякаемый оптимизм, Астахова — светлую печаль. Радость и грусть были образами, я бы даже сказал, спортивными амплуа Латыниной и Астаховой.

— Вы говорите о самовыражении в спорте? Это верно. Таня Кравченко, когда пришла в секцию, показалась мне девушкой мечтательной, склонной к лирике, но потом я ощутила в ней и задор, и темперамент, и экспрессию, и мы сделали упражнение со скакалкой под мелодию «Тачанки» Листова. А с Людмилой Савинковой мы пробовали и более сложные комбинации составлять: допустим, «Полишинель» или этюд Скрябина. Я предложила ей представить себя плененным бойцом — это начало, медленная часть. Руки Людмилы скрещены за спиной, словно связанны. А дальше — борьба! Распрямление! Торжество сил добра — апофеоз!

Такова художественная гимнастика:
слева вверху — групповое упражнение с лентами,
внизу — Людмила Савинкова с мячом,
справа — произвольная композиция без предмета
Лилии Лавровой.

...И такой был тарапам!

На меня жаловались самому высокому начальству. Доказывали, что все это не имеет никакого отношения к спорту, что спорт — это баллы, это борьба за первенство, а никакой не театр... Одно знаю: чтобы твои движения были не формальными, а одухотворенными, надо выносить на ковер не заботы о своих и чужих оценках, не мелкие опасения и страхи, но высокую творческую наполненность и радость.

— Как же разрешить этот конфликт искусства и спорта?

— Не знаю. Наша художественная гимнастика уже вышла на международную арену, от нас требуют так называемой «отдачи», требуют побед. Приходится сдерживать себя, ищешь в музыке нечто безопасное, бессюжетное, танец какой-нибудь...

— Я понимаю вас. Иной раз журналисту тоже углы обходить приходится... Но согласитесь, Мария Вартановна, чтобы найти подходящие для спортсменки музыкальные и гимнастические краски, тренер должен проникнуть в человеческую ее суть.

— Да, конечно. У меня есть девочка-первогодница Галя Левкина, веселая, бойкая, озорная. У нее к упражнению подобрана быстрая юмореска. Ставила, кстати, Савинкова. А в середине музыкальной пьесы — медленный кусочек. И мы Гале так объяснили: «Вообрази, что ты петрушка. Ты даешь представление на площади, веселишь народ. И вдруг загрустил, вспомнил что-то свое, личное. А веселить-то надо. И опять пустился в пляс». И вот другая девочка есть в секции — Лена Карпухина. Очень физически одаренная девочка, очень. Но никак не раскроется эмоционально.

— А что значит «раскрыться эмоционально»?

— Я им так объясняю: «Вот ты бежишь — просто бежишь, как в легкой атлетике. Быстро, хорошо. Но

невыразительно. А ты представь, что против ветра, наперекор ему, ты распахнись...» Но, видите ли, легко работать, когда спортсменка приходит на тренировку внутренне наполненная, а когда пустая, когда с каменным лицом, и все движения чисты, но без души...

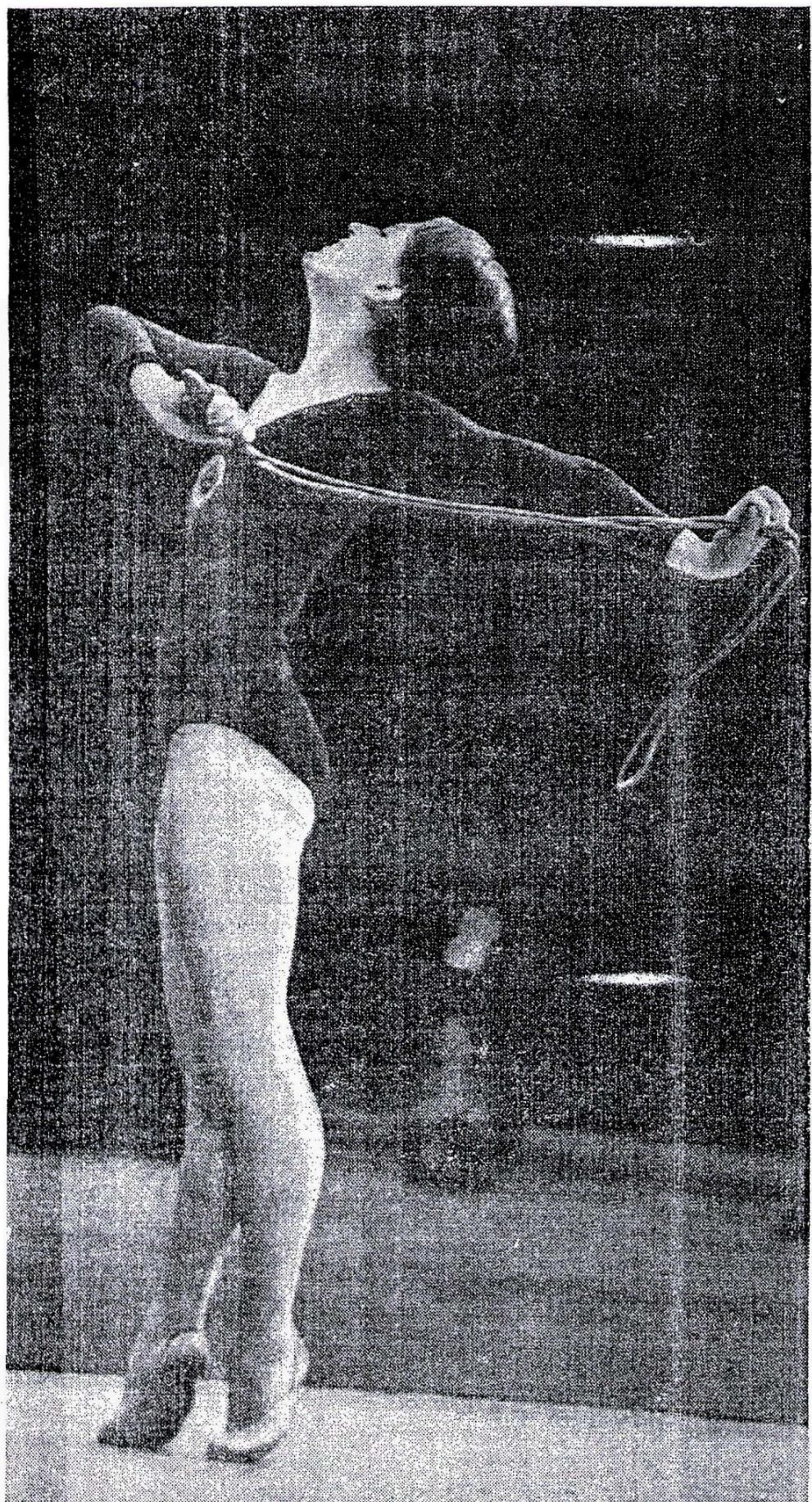
— Извините, но я опять приведу пример из спортивной гимнастики. Много лет я видел (и знал почти наизусть!) точную, четкую, чеканную комбинацию Полины Астаховой на бревне. Но вот однажды эта комбинация меня потрясла. В прежнюю форму было вложено вовсе новое содержание. Верите ли, то, что я увидел, было очень красиво и очень печально. Именно печально — грустная-грустная песня без слов и без музыки среди мертвого молчавшего переполненного зала. Много позже я узнал, что в тот вечер Полине было от чего грустить.

— Думаю, что Астахова, мастер высочайшего класса, сумела вплести в ткань комбинации свою печаль и украсить ею выступление. Это доказывает лишь, что спорт вообще, гимнастика в частности (а наша, художественная, добавлю, в особенности) способны отражать самые разные оттенки человеческих настроений. Не только радость и бодрость, но и грусть — не будем обеднять палитру. И гнев. И страсть. Целую гамму настроений.

— Однако, Мария Вартановна, как же так? Несколько минут назад вы убеждали меня, что теперь, после «тарапама», вы стали сдерживать себя, искать в музыке нечто «бессюжетное и безопасное», а мы с вами только и говорим о передаче характеров и образов средствами гимнастики?

— С собой трудно спорить. А потом главное все же надо отделять от сиюминутного. Как быть, коли сложилось так, что многие из основных наших зарубежных соперниц сегодня склонны больше работать

Любимые ученицы
Марии Вартановны Лисициан:
со скакалкой Людмила Савинкова,
с шарфом (слева) — Татьяна Кравченко.

иад чисто спортивной техникой и гораздо меньше над художественным выражением музыки?

— Так как же быть?

— А так. Своего не забывать. Нажитого. Нельзя транжирить богатство! Нельзя забывать о главном ради сиюминутного. Вы понимаете?..

— Скажите, а справедливо ли утверждение, что именно художественная гимнастика близка женщине, как никакой другой вид спорта?

— Двух мнений быть не может. Сами судите: наш вид спорта воспитывает силу, выносливость, ловкость, координацию. Он сложен и в то же время достаточно прост, чтобы не развивать дисгармонично отдельные группы мышц. Художественная гимнастика дарит любовь к музыке, умение ее понимать, внутреннюю культуру, вкус. Мы даже объясняем девушкам, кому гладкая прическа идет, кому высокая, кому косы короной. Полбеды, если неудачная прическа испортит свидание, вот соревнование испортит — тут печальнее, тут беда...

— И последний вопрос: работа над какой композицией принесла вам, как тренеру, особое удовлетворение?

— Видите ли, удовлетворение испытываешь, когда ученица полностью тебя понимает. «Полишинель» Савинковой, «Тачанка» Кравченко поняты и почувствованы сразу, с полуслова...

— Все же «Полишинель»?

— Да, «Полишинель».

ИНТЕРВЬЮ ВТОРОЕ — С ЛЮДМИЛОЙ САВИНКОВОЙ, ПЕРВОЙ ЧЕМПИОНОЙ МИРА ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ:

— Когда мы с Марией Вартановой сделали «Полишинеля» и я показала его, мне говорили, что это не спорт, что спорт — это радость, а не страдание. Никаких трагедий на лице! Но в «Полишинеле» я как раз и раскрылась. Я там не только технику демонстрировала, но передавала содержание. Рисунок танца контрастный. Полишинель — это маленький шут, вот он веселый, красивый на балу, сверкает своим мастерством, и вдруг его Коломбина с другим, и он грустный, плачет. И все это я изображала. Я убеждена, что художественная гимнастика — это не просто движения, сопровождаемые музыкой. Надо ощущать музыку и

как чувствуешь ее, так и передавать. Но многие судьи, тренеры почему-то противятся этому...

— Очевидно, вас никогда не занимала проблема выбора: спортивная гимнастика или художественная?

— Никогда.

— Но какой-либо вид спорта, кроме художественной гимнастики, вам импонирует все же?

— Никакой. Мне близок балет. Мой кумир — Плисецкая. Перенимаю у нее все, что могу. Не пропускаю ни одного спектакля с ее участием. «Лебединое озеро» смотрела, кажется, раз сто.

— Но чем, скажем, ваш спортивный «Полишинель» отличается от балетного, поставленного в Ленинграде?

— Только тем, что я не стою на пантаках.

— Где же тогда принципиальное различие между художественной гимнастикой и балетом?

— Балет — профессия, туда из тысячи выберут одну. Но уметь двигаться красиво должна каждая женщина. Эту красоту и дает наш — массовый — вид спорта. Он заставляет задумываться над каждым своим движением. А познавая движение, познаешь и музыку, под которую выполняешь его. Из этого познания музыки и движения рождается совершенно иное мироощущение. Немногое не такое, как у других людей. Немногое сказочное.

— А все иные виды женского спорта вы категорически отвергаете, да?

— И у нас, в художественной гимнастике, сейчас резко возрастают нагрузки, но то, что делается, например, в некоторых видах легкой атлетики, кажется мне просто несовместимым с возможностями женского организма. Женщины теряют женственность. Даже спортивная гимнастика, с моей точки зрения, не совсем гармонично развивает фигуру.

— О, вы просто яростны в своем пристрастии.

— Да, я фанатичка. Посудите сами: нужно очень много фанатизма, чтобы ежедневно несколько часов подряд отрабатывать одни и те же движения, а вечером спешить в институт — ведь я собираюсь стать архитектором...

— На чем же держится ваш фанатизм?

— Я занимаюсь спортом ради собственного удовольствия. Меркантилизм противопоказан спорту. Настоящий спортсмен должен быть бескорыстен. Перед каждым выступлением Мария Вартановна просит нас не думать о первом месте. Она говорит: «Вы должны выступить для того, чтобы и вы и зрители получили удовольствие».

— Вы любите своего тренера?

— Боготворю! Я была прежде ужасно вспыльчивой, раздражительной. Мария Вартановна мучилась со мной, но воспитывала: не пускала на тренировки, не разговаривала. И я стала уравновешенным человеком...

ИНТЕРВЬЮ ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ, В КОТОРОМ АВТОР БЕСЕДУЕТ С САМИМ СОБОЙ:

— Сначала об искусстве и спорте. Согласен ли ты с Людмилой Савинковой, что главное различие между балетом и художественной гимнастикой — пантаки?

— Не совсем. Коль было бы это так, все проблемы решались бы значительно проще, чем нынче. Соревнование — вот, пожалуй, все-таки главный камень преткновения. Соревнование, борьба за медали, за места, баллы, проставляемые строгими судьями, которые — что скрывать! — выше ценят технику, нежели артистизм, внешнее, нежели внутреннее.

— Значит, конфликт не разрешим?

— Почему же? Вспомним фигурное катание — судьи выводят там две оценки: за технику и за искусство, за выразительность. Я бы, например, предложил на турнирах по художественной гимнастике назначать два жюри: одно из спортивных специалистов, другое — из актеров, художников, музыкантов, скажем. А общая оценка — из суммы обеих оценок. Просто?

— Да. Даже, пожалуй, слишком. И поэтому, должно быть, сложно с чисто организационной стороны. Но вот тебе еще один вопрос. Обе твои собеседницы (Лисицыан — мягче, Савинкова — убежденнее и яростнее) утверждали, что художественная гимнастика чуть ли не единственный подходящий для женщин спорт. Согласен?

— Как тебе сказать... Мне немного обидно за гимнастику спортивную. За фигурное катание (впрочем, я думаю, наши оппонентки просто забыли о нем упомянуть). Но, развивая тезис, должен сказать: мне категорически не нравится, скажем, женский велосипедный спорт — и не мне одному, у него много противников и среди тренеров и среди медиков, и попытки упразднить его, как справедливо упразднен был в свое время женский хоккей, делались не раз, но пока безуспешно. Мне не по душе женские лыжи (это тяжело, особенно 10 километров — не туристской прогулки ведь, но тяжкого, одышливого бега), некоторые виды легкой атлетики.

— Постой, постой. Не сам ли ты в числе других поднимал на щит в своих корреспонденциях и лыжниц и велосипедисток? Не больно это принципиально, согласись.

— Да, это так. Корю себя. Это было продиктовано привычной бездумной позицией, согласно коей блеск золотых медалей, их вес и проба одинаковы — мужскими руками добыты они или женскими. Но если взглянуть пристальнее и задуматься глубже, то, может, есть нам смысл и отказаться от одного-двух звонких блестящих кружочков. Отказаться во имя здоровья — массового здоровья, которое и служит начальной и конечной целью нашей физкультурно-спортивной работы.

— Прожекты, прожекты... Скажи-ка лучше: сам ты, когда подрастет твоя дочь, запретишь ей, что ли, кататься на велосипеде?

— Нет, почему же. Пусть катается — для собственного удовольствия.

— На лыжах?

— Пусть бегает. Для здоровья.

— Легкой атлетикой заниматься?..

— Не пробуй припереть меня к стенке. Ты прекрасно понимаешь, что выбор она сделает сама, я лишь попытаюсь, елико возможно, повлиять на этот выбор.

— И привести ее в секцию художественной гимнастики? Ты улыбаешься? Я прав?..